
Юрий Константинович
Под парусом морской ведьмы

Юрий Константинович

Под парусом морской ведьмы

https://litres.ru/74793023
SelfPub; 2026

Аннотация

Виктор Сомов — бывший армейский инструктор, человек, привыкший к дисциплине и порядку. Однажды вечером он засыпает над книгой о пиратах — и просыпается на палубе «Морской ведьмы», корабля капитана Моргана, в мире, который должен был остаться на страницах романов.

Теперь он — матрос. Ему предстоит драить палубу, драться в абордаже, делить добычу по пиратским статьям и учиться жить среди людей, для которых море — дом, а смерть — привычное дело. Но Сомов не просто выживает. Он думает, как военный, и это делает его опасным — для врагов и для тех, кто считает его своим.

Порт-Ройал, таверны, погони, засады и карта с испанскими пометками, которую капитан прячет в шкатулке, — всё это часть пути человека, который искал море и нашёл его. Только море оказалось не таким, как в книгах. Оно хуже. И лучше.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 9
Глава 3 17
Глава 4 25
Глава 5 33
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Юрий Константинович
Под парусом морской ведьмы

Глава 1

Глава 1. Зов моря

Виктор Сомов читал «Моргана» не как историк и не как романтик — а как человек, который слишком хорошо знает цену дисциплине и слишком давно слышит зов моря, чтобы от него отмахиваться.

Он открывал книгу по вечерам, когда город за окном стихал, ставил рядом стакан с виски — не для того, чтобы напиться, а чтобы «настроить ноту» — и проваливался в XVII век. Пираты Моргана были для него не разбойниками с картинок, а людьми, которые жили по неписаному уставу: держи слово, дели добычу честно, не бросай своих. Сомов ухмылялся: чем не армейский кодекс, только вместо строевого плаца — палуба, а вместо приказа — ветер.

Его талант — чинить всё от часов до двигателя — в этих

книгах отзывался по-особому. Он читал про такелаж, про кили, про то, как команда латает паруса на ходу, и думал: вот где настоящая работа. Не бумажная, не строевая — живая. Умение держать себя в руках, уверенность без гонора, привычка слушать больше, чем говорить, — всё это в пиратском мире стоило дороже золота. Морган не был для него героем. Он был интересен как человек, который знал, чего хочет, и умел вести за собой — а Сомов слишком хорошо понимал, как это непросто.

И всё же море звало его не романтикой сражений. Оно звало свободой. Той самой, ради которой он ушёл из армии — красиво, с благодарностью в приказе и с чувством, что всё сделал правильно. В книгах о Моргане он находил то, чего не хватало в ухоженной квартире с вещами на своих местах: горизонт, который нельзя спланировать, ветер, который не подчиняется приказу, и жизнь, где каждый день — как чистый лист.

С женщинами у него было так же, как с морем: он умел быть внимательным, обаятельным, умел сделать так, что каждая чувствовала себя единственной, — но не обещал того, чего не даст. Расставались с ним без ненависти, с лёгкой грустью. А книги про пиратов были его тайной отдушиной: там можно было быть свободным, не причиняя никому боли. Там не было риска, что однажды встретишь ту, ради которой

придётся отказаться от свободы, — и не будешь уверен, что стоило.

Однажды вечером, дочитав главу о том, как Морган делил добычу и держал слово перед командой, Сомов закрыл книгу, посмотрел на стакан и тихо сказал сам себе:

— Вот бы и мне так. Палуба вместо плаца. Ветер вместо приказа. И команда, которой не нужно объяснять, что такое честь.

Он допил виски, поставил стакан на место — всё на своих местах — и подумал, что море, возможно, и не зовёт его в прошлое. Оно зовёт его в ту жизнь, где он наконец сможет быть собой: умным, уверенным, талантливым — и свободным.

У Сомова была ещё одна страсть, о которой знали немногие. За дверью кабинета скрывалась коллекция. Морские вещи и пиратские реликвии: старинный компас с потёртой латунью, кортик без клейма, карты с выцветшими чернилами, обломок корабельного колокола, монеты, поднятые с затонувших судов. Каждая вещь имела историю, и Сомов знал их все наизусть — не по книгам, а по рассказам человека, который эти вещи для него находил.

Друг его, Лёва Гринберг, был оценщиком — из тех, кто чует подделку за версту и умеет молчать о том, что видел. Они познакомились много лет назад случайно, но с тех пор Лёва стал единственным человеком, которому Сомов доверял в вопросах антиквариата. Звонил он всегда неожиданно и всегда с одной и той же интонацией:

— Сома, есть вещь. Тебе понравится.

В тот вечер телефон зазвонил, когда Сомов как раз дочитывал главу о Моргане. Он взял трубку.

— Сома, — сказал Лёва без предисловий. — Есть находка. Приезжай в магазин, покажу. Не по телефону.

Сомов помолчал, глянул на стакан, на книгу, на окно, за которым город уже гасил огни.

— Когда?

— Сейчас. Магазин закрыт, но для тебя открою. Только тебе — и никому больше.

Сомов усмехнулся. Лёва умел заинтриговать так, что отказываться было невозможно.

— Еду.

Он поставил стакан на место — всё на своих местах, — накинул куртку и вышел. Море звало его не только книгами. Иногда оно звало его через старые вещи, которые помнили солёный ветер лучше, чем он сам.

Глава 2

Глава 2. Дневник

Антикварный магазин Лёвы находился в старом доме на углу тихой улицы, где вывески были маленькими, а окна — тёмными уже к восьми вечера. Сомов припарковался у тротуара, заглушил двигатель и посидел минуту в тишине, глядя на тускло освещённую витрину. За стеклом стояли подсвечники, позолоченные рамы и старинное зеркало, которое, казалось, помнило больше, чем хотело бы рассказать.

Он вышел из машины, и вечерний холод тут же забрался под куртку. У двери горела одна маленькая лампа, и когда он нажал на ручку, она поддалась — Лёва уже ждал.

— Заходи-заходи, — раздался знакомый голос из глубины зала. — И дверь запри, здесь не публичная библиотека.

Сомов вошёл и запер за собой дверь. Внутри пахло деревом, старой бумагой и едва уловимым запахом лаванды — Лёва держал в углу саше, чтобы отбивать запах пыли. Сам хозяин стоял за прилавком в своём неизменном жилете поверх рубашки, с лупой в нагрудном кармане и лицом человека, который знает что-то, чего не знают остальные.

— Ты быстро, — сказал Лёва, глядя на часы. — Двадцать две минуты. Рекорд.

— Ты сказал «находка». Я не привык ждать, когда мне говорят такое.

Лёва усмехнулся и кивнул в сторону подсобки:

— Идём. Разговор не для торгового зала.

Они прошли мимо витрин с фарфором и серебром, мимо полок со старыми книгами, каждая из которых была завёрнута в папиросную бумагу. В подсобке было теснее, но теплее: рабочий стол под лампой, кресло, стул, сейф в углу и деревянный ящик на столе — небрежно закрытый, будто Лёва только что его открывал.

— Садись, — сказал Лёва, указывая на стул. — И выдохни. То, что я тебе покажу, требует спокойных рук.

Сомов сел. Он знал эту интонацию: так Лёва говорил, когда вещь была либо очень дорогой, либо очень спорной. Иногда — и тем, и другим одновременно.

Лёва подошёл к столу, убрал с ящика кусок холста, кото-

рым тот был накрыт, и отодвинул крышку. Внутри, на слое мягкой бумаги, лежала книга. Точнее — то, что когда-то было книгой: толстая тетрадь в тёмном кожаном переплёте, потёртая по краям, с застёжкой, которая давно не застёгивалась, и с печатью из сургуча на боковом обрезе. Сургуч был тёмно-красным, почти чёрным, и на нём оттиснут неясный герб — то ли щит, то ли якорь, то ли что-то среднее.

Сомов наклонился ближе. Он не протянул руку — привычка, въевшаяся за годы: сначала смотри, потом трогай.

— Это что? — спросил он тихо.

— А ты как думаешь? — Лёва скрестил руки на груди.

— Не играй со мной. Говори.

Лёва помолчал, потом выдохнул и сказал ровно, без театра:

— Мне её принесли вчера. Человек не из наших, случайный. Сказал — нашёл в старом доме, в сундуке, который остался от деда. Дед, мол, был моряком, ходил на торговых судах, а откуда у него это — не знает. Продать хотел быстро, деньги нужны. Я посмотрел. Сказал, что подумаю.

— И что ты думаешь?

Лёва подошёл к столу, взял лупу и поднёс её к книге, но не открыл — только провёл пальцем по краю переплёта.

— Я думаю, что это либо очень хорошая подделка, либо очень странная вещь. Смотри сюда. — Он указал на сургучную печать. — Печать целая. Её не вскрывали. Если это дневник Моргана — а человек сказал именно так, — то он запечатан с тех пор, как его закрыли. И это, скажем так, необычно. Настоящие дневники обычно читают. Их листают, переписывают, хранят открытыми. А этот — как бутылка с запиской. Запечатали и забыли.

Сомов смотрел на книгу. Сердце у него стучало ровнее, чем он ожидал, — но где-то под рёбрами всё равно шевельнулось что-то тёплое и жадное. Он знал это чувство. Так бывало, когда он находил вещь, которая говорила с ним на одном языке.

— Ты сказал «якобы Моргана», — напомнил он. — Значит, сомневаешься.

— Сомневаюсь, — кивнул Лёва. — И скажу тебе честно, как другу, а не как продавцу. Бумага старая, это видно. Кожа старая. Сургуч — по составу похож на семнадцатый век,

но я не химик, я оценщик. Почерк я не видел — печать не даёт открыть, а ломать её я не стал. Но есть детали. — Он помолчал. — Корешок слишком ровный для вещи, которой триста лет. Углы слишком аккуратные. И знаешь, что меня смущает больше всего? Запах.

— Запах?

— Он не пахнет морем. Старые вещи с кораблей пахнут солью, смолой, иногда плесенью. А эта — пахнет кожей и пылью. Как будто её держали в сухом сундуке, а не на корабле.

Сомов медленно кивнул. Он ценил Лёву именно за это: тот никогда не врал, даже если правда мешала продаже.

— И сколько он за неё хочет?

Лёва назвал сумму. Сомов поднял бровь.

— Это дёшево.

— Это очень дёшево, — согласился Лёва. — Потому что человек торопился, а я не дурак, чтобы платить больше за вещь, в которой не уверен. Я купил её за бесценок, если честно. И тебе продам недорого. Но ты должен понимать: я не гарантирую, что это Морган. Я гарантирую только, что это

старая книга с запечатанной печатью и что она тебе понравится. Остальное — твоя вера.

Сомов усмехнулся.

— Ты всегда так говоришь, когда продаёшь мне мечту.

— Я всегда так говорю, когда продаю тебе вещь, а не бумажку с гарантией. — Лёва развёл руками. — Хочешь — бери. Не хочешь — я не обижусь. Но если ты её возьмёшь, обещай мне одну вещь.

— Какую?

— Не ломай печать в одиночку. Если решишь открыть — позови меня. Я хочу видеть, что там внутри. И если это подделка, я хочу знать это вместе с тобой.

Сомов посмотрел на книгу. Потом на Лёву. Потом снова на книгу.

— Ты же понимаешь, что я её возьму, — сказал он наконец. — Ты знал это ещё до того, как позвонил.

— Знал, — улыбнулся Лёва. — Но мне хотелось, чтобы ты сказал это сам.

Сомов достал бумажник, отсчитал деньги — не торгуясь, потому что торг здесь был бы неуважением к другу, — и положил их на стол. Лёва убрал купюры в ящик, даже не пересчитав.

— Она твоя, — сказал он. — Только неси аккуратно. И не клади у батареи.

Сомов взял книгу. Она была тяжелее, чем казалась, — плотная, основательная, с твёрдым переплётом, который не хотел гнуться. Он подержал её в руках, чувствуя, как под пальцами отзывается старая кожа, и вдруг подумал: а ведь она действительно пахнет не морем. И это было странно. Но не настолько странно, чтобы он передумал.

— Спасибо, Лёва, — сказал он.

— Не благодари. Ты ещё будешь меня проклинать, если там окажется чей-то список покупок за 1685 год. — Лёва хлопнул его по плечу. — Иди. Уже поздно. И знаешь что? Выпей сегодня немного. За находку.

— Я и так собирался.

Сомов вышел на улицу, прижимая книгу к груди под курт-

кой, чтобы не застудить и не намочить. Город был тих, фонари горели ровно, и где-то далеко, за домами, слышался шум — то ли поезда, то ли ветра. Он сел в машину, положил книгу на пассажирское сиденье и ещё минуту сидел, не заводя двигатель.

В голове было странно спокойно. Он думал о том, что вещь, которая, возможно, была фальшивкой, уже стала его. И что это, пожалуй, лучшее, что случилось с ним за последние месяцы.

Дома он поставил книгу на стол в кабинете, рядом с компасом и кортиком, и сел напротив. Свет лампы падал на переплёт, и сургучная печать тускло блестела, как маленький тёмный глаз.

Сомов налил себе виски, сел в кресло и долго смотрел на книгу.

— Ну что, — сказал он тихо. — Морган ты или нет, но теперь ты мой. И мы с тобой что-нибудь придумаем.

Он сделал глоток и улыбнулся. Море звало его снова — теперь уже не только книгами и старыми вещами, но и чем-то живым, что лежало на столе и ждало, когда его откроют.

Глава 3

Глава 3. Сон?

Виски в стакане кончился незаметно. Сомов и сам не понял, в какой момент его рука потянулась к бутылке во второй раз, а потом и в третий — не для того, чтобы напиться, а чтобы продлить то тихое, ровное состояние, в котором вещи на своих местах и мир не задаёт лишних вопросов. Он сидел в кресле, книга лежала на столе, и лампа бросала на её переплёт жёлтый круг света, в котором сургучная печать казалась ещё темнее, чем была.

Он смотрел на неё долго. Потом ещё раз провёл пальцем по краю кожаного переплёта — осторожно, будто касался чужого плеча. Книга была тёплой. Не как стол под лампой, не как воздух в комнате, — а по-своему, по-живому тёплой, и это тепло не уходило, сколько он ни держал руку на переплёте.

— Ну и что ты молчишь? — сказал он тихо. — Ты же должна что-то говорить. Тебя для этого писали.

Книга не ответила. Только сургуч блеснул — коротко, как подмигнул.

Сомов откинулся в кресле, закрыл глаза и решил, что посидит так минуту. Всего минуту. Он не заметил, как минута растянулась, как дыхание стало ровнее, как стакан выскользнул из руки и мягко стукнул о ковёр, не разбившись. Он не заметил, как лампа осталась гореть, как город за окном окончательно затих, как ночь взяла своё.

Сон пришёл без предупреждения.

Сначала был звук.

Не шум города, не гул поезда за домами — а глубокий, ровный, бесконечный звук моря. Оно дышало где-то рядом, большое и спокойное, и волны бились о берег с тем мягким, тяжёлым ритмом, который невозможно спутать ни с чем. Сомов стоял на ногах, но под ногами было не дерево паркета, а камень — тёплый, шершавый, истёртый тысячами шагов.

Он открыл глаза.

Порт.

Настоящий порт, какой он видел только на старых гравюрах и в книгах, — но не нарисованный, а живой, полный движения и звука. Причалы уходили в воду, как деревянные

пальцы, и вдоль них стояли корабли: высокие, тёмные, с мачтами, уходящими в небо так далеко, что казалось, они протыкают облака. Паруса были свёрнуты, но всё равно было видно, какие они огромные — как крылья, сложенные уставшей птицей.

Воздух пах солью, смолой и рыбой. Пах чем-то ещё — дымом, потом, мокрым деревом и той особенной смесью, которую Сомов всегда представлял, читая про корабли, но никогда не чувствовал так ясно. Он вдохнул глубоко, и запах вошёл в него, как вода в песок, — без resistance, без усилия.

Вокруг были люди. Матросы в грубых рубахах, с обветренными лицами и руками, покрытыми мозолями; грузчики, таскающие бочки и ящики; торговцы в длинных кафтанах, что-то выкрикивающие на непонятном языке; женщины с корзинами, проходящие мимо с той уверенной быстротой, которая бывает только у людей, знающих порт как свой дом. Никто не смотрел на Сомова. Никто не удивлялся. Он был здесь своим — или, по крайней мере, не чужим.

Он опустил глаза. На нём была не куртка, в которой он сидел в кресле, и не домашняя одежда. На нём была рубаха из плотного полотна, тёмные штаны, широкий пояс и тяжёлые башмаки, стоптанные и разношенные, как будто он носил их не первый месяц. Руки у него были не свои — то есть свои,

конечно, но другие: с обветренной кожей, с коротко остриженными ногтями, с маленьким шрамом на большом пальце, которого он раньше не замечал.

А потом он услышал голос.

— Эй. Ты.

Сомов обернулся. К нему шёл человек — высокий, широкоплечий, с седеющими волосами, забранными в хвост, и лицом, которое можно было бы назвать красивым, если бы не было таким усталым. Одет он был получше многих: тёмный камзол без украшений, но хорошего сукна, высокие сапоги, на поясе — кортик. Он остановился в двух шагах и посмотрел на Сомова так, как смотрят люди, привыкшие оценивать других быстро и без ошибок.

— Ты кто такой? — спросил он. Голос у него был низкий, спокойный, без угрозы, но и без тепла.

— Сомов, — сказал Сомов и сам удивился, как легко прозвучало его имя в этом мире. — Виктор.

— Виктор. — Человек кивнул, будто запоминал. — Откуда?

Сомов хотел сказать «из России», хотел сказать «из двадцать первого века», хотел сказать хоть что-то, что объяснило бы всё, — но вместо этого сказал:

— С суши. Служил. Теперь вот… ищу, куда идти.

Человек усмехнулся. Усмешка у него была короткая, как выдох.

— Служил, значит. — Он оглядел Сомова с головы до ног, и Сомов почувствовал, что его оценивают, как оценивают лошадь на базаре: по статьям, по взгляду, по тому, как он стоит. — Солдат?

— Инструктор. Учил других.

— Инструктор. — Человек поднял бровь. — Это хорошо. На корабле умеющие учить нужны не меньше, чем умеющие драться. — Он помолчал. — А плавать умеешь?

— Умею.

— А качку терпишь?

— Терплю.

Человек смотрел на него ещё несколько секунд. Где-то за спиной у него кричали чайки — резко, настойчиво, как будто спорили о чём-то своём. Море дышало за причалами, и волны бились о сваи с тем же мягким, тяжёлым ритмом, что и в начале.

— Меня зовут Морган, — сказал наконец человек. — Слышал про такого?

Сомов не сразу нашёлся что ответить. Он смотрел на этого человека — на его усталое лицо, на его спокойные глаза, на его кортик без украшений — и понимал, что слышал. Читал. Знал. Но здесь, в этом сне, в этом порту, это знание было не из книг, а откуда-то из глубины, из того места, где море звало его всю жизнь.

— Слышал, — сказал он.

— Хорошо. — Морган кивнул, будто это что-то решало. — Мне нужны люди. Не те, кто хочет славы или золота. Те, кто умеет держать себя в руках и не бросает своих. Ты, кажется, из таких. — Он помолчал, глядя Сомову прямо в глаза. — Я предлагаю тебе подняться на корабль. Для начала — матросом. Без чинов, без обещаний. Посмотрим, как ты держишься. А там видно будет.

Сомов стоял на тёплом камне причала, и ветер трепал его рубаху, и чайки кричали над головой, и море дышало рядом, большое и бесконечное. Он чувствовал, как внутри него что-то отзывается на эти слова — не разумом, не памятью о книгах, а чем-то глубже, чем-то, что ждало этого всю жизнь.

— Да, — сказал он.

Слово вышло тихим, но ясным. Он не думал. Не взвешивал. Не вспоминал про квартиру, про коллекцию, про Лёву, про работу и про всё то, что оставил на столе под лампой. Он просто сказал «да», и в этом «да» было больше правды, чем в сотнях его прежних решений.

Морган усмехнулся — на этот раз чуть теплее.

— Хорошо. Тогда пошли. — Он повернулся и зашагал к кораблю, и Сомов пошёл за ним, ступая по камню, который помнил тысячи шагов до него.

Корабль был близко. Он рос с каждым шагом, поднимался над причалом, как стена, и Сомов видел уже не только мачты, но и борта, и палубу, и трап, ведущий вверх. У трапа стоял человек с книгой в руках — судовой писарь, наверное, — и смотрел на них с тем равнодушием, с каким смотрят на обычное дело.

Сомов поднял ногу на первую ступеньку трапа.

И в этот момент море зазвучало громче. Не тревожно, не грозно — просто громче, как будто хотело, чтобы он услышал. Чайки закричали разом, ветер усилился, и где-то в глубине корабля, в трюме, отозвался низкий, глухой звук — то ли скрип дерева, то ли удар колокола.

Сомов замер на ступеньке.

— Ты идёшь? — спросил Морган, не оборачиваясь.

— Иду, — сказал Сомов.

И сделал шаг.

Глава 4

Глава 4. Корабль

Сомов поднялся по трапу, и мир под ним качнулся.

Не сильно — так, как качается палуба под ногами человека, впервые ступившего на корабль, — но он почувствовал это сразу, всем телом: палуба была живой. Она дышала, чуть заметно поднимаясь и опускаясь в такт волнам, и Сомов, стоя на ней, ощутил себя частью чего-то большего, чем он сам. Он стоял неподвижно несколько секунд, привыкая, и море внизу, за бортом, тихо шумело, как будто одобряло.

Морган уже стоял на палубе и смотрел на него. Ветер трепал его седые волосы, выбившиеся из хвоста, и он не пытался их поправить.

— Стоишь? — спросил он.

— Стою, — сказал Сомов.

— Хорошо. Некоторые падают. — Морган усмехнулся и кивнул в сторону палубы. — Идём. Покажу тебе, где ты будешь жить и с кем плавать под одним парусом.

Сомов пошёл за ним и смотрел вокруг.

Корабль был большим — больше, чем казался с причала. Три мачты поднимались к небу, и на них, свёрнутые, висели паруса: тяжёлые, плотные, сшитые из множества полотнищ, они были похожи на спящих птиц с длинными крыльями. Между мачтами тянулись снасти — верёвки, канаты, тонкие и толстые, переплетённые в сложную сеть, которая сверху казалась хаосом, но Сомов, читавший про такелаж, знал: в этом хаосе был порядок, и порядок был точным, как армейский устав. Каждая верёвка знала своё место. Каждый узел был завязан с той аккуратностью, которая приходит только с опытом.

Палуба была истёртой — доски выскоблены до светлого, до того гладкого блеска, который бывает только у дерева, по которому ходили десятилетиями. Сомов провёл по ней рукой и почувствовал под пальцами тепло: дерево нагрелось на солнце и теперь отдавало это тепло обратно, неспешно, как старый человек отдаёт воспоминания.

Вдоль бортов стояли пушки — тёмные, тяжёлые, с дулами, направленными в море. Сомов насчитал восемь с одного борта и подумал, что с другого, наверное, столько же. Он никогда не видел пушек вблизи. В книгах они были просто

словами — «орудия», «пушки», «батарея», — а здесь они были реальными: железными, холодными, пахнущими порохом, даже если порох ещё не горел. Он положил ладонь на одно дуло и почувствовал, как под пальцами отзывается металл — не холодный, а прохладный, живой, как будто пушка ждала.

— Нравится? — спросил Морган, не оборачиваясь.

— Да, — сказал Сомов, не кривя душой.

— Хорошо. Значит, не зря позвал.

Они прошли мимо люка, ведущего в трюм, — из глубины тянуло прохладой, смолой и чем-то ещё, сырым и тяжёлым. Мимо камбуза, где уже кто-то гремел посудой, и запах варева — простого, сытного, с луком и мясом — смешивался с морским воздухом. Мимо матросов, которые чинили паруса, сидя на палубе с иглами и дратвой; они подняли головы, когда Морган прошёл мимо, и Сомов заметил, как они смотрят: быстро, оценивающе, без враждебности, но и без привета. Так смотрят люди, которые привыкли к новым лицам и знают, что нового человека нужно сначала узнать в деле, а потом уже решать, свой он или нет.

У люка, ведущего вниз, Морган остановился.

— Жить будешь внизу, — сказал он. — Со всеми. Отдельные каюты на этом корабле только у офицеров да у меня. Ты пока матрос, а матросу положено жить с матросами — в кубрике, на носу. Там не хоромы, но сухо, и место своё получишь. Научишься не мешать им, они научатся не мешать тебе. Это тоже часть службы.

Сомов кивнул.

— Когда начинать?

— Сегодня. — Морган посмотрел на него. — Сейчас. Пойдёшь с боцманом, он покажет, что делать. Начнёшь с самого простого: драить палубу, чинить снасти, таскать воду. Всё, что нужно на корабле. Ты не офицер, ты не гость. Ты матрос. Пока матрос.

— Понял.

— Хорошо. — Морган помолчал, глядя на него внимательно. — И ещё одно. На корабле не любят тех, кто много говорит и мало делает. Ты, я смотрю, не из таких. Но если что-то не так — говори мне. Не боцману, не матросам, а мне. Я не люблю, когда за спиной шепчутся. Я люблю, когда говорят в лицо.

— Понял, — повторил Сомов.

— Тогда иди. — Морган кивнул в сторону палубы. — Боцман вон там, у грот-мачты. Скажешь, что от меня.

Сомов пошёл.

Он шёл по палубе, и палуба качалась под ним, и он уже не замечал этого качания — тело привыкло, как привыкает ко всему, что нужно для дела. Он думал о Моргане. О том, как тот смотрел, как говорил, как стоял — прямо, спокойно, без лишнего. В нём не было той показной уверенности, которую Сомов видел у многих командиров: когда человек стоит ровно, потому что боится, что заметят его страх. У Моргана была другая уверенность — тихая, глубокая, как уверенность человека, который знает, чего стоит, и не нуждается в том, чтобы это знали другие.

Сомов вспомнил его лицо — усталое, с глубокими морщинами у глаз, с сединой, которую он не прятал. Он не был стар. Но и не был молод. Он был из тех людей, которых жизнь уже проверила на прочность, и проверка не сломала его, а только отшлифовала — убрала всё лишнее, оставила главное.

«Вот это командир», — подумал Сомов. И тут же поправил себя: не командир. Капитан. Здесь говорят «капитан».

Он оглянулся. Морган всё ещё стоял у двери, смотрел ему вслед. Их взгляды встретились на секунду — и Морган кивнул, коротко, как будто подтверждая что-то своё. Сомов кивнул в ответ и пошёл дальше.

Боцман оказался широким, низкорослым человеком с руками, которые казались вырезанными из дуба. Он выслушал Сомова, оглядел его с головы до ног — так же, как Морган, только быстрее и без интереса, — и сказал:

— Значит, новенький. Хорошо. Вёдра вон там. Палуба вон там. Драить до блеска. Как закончишь — придёшь, покажу, что дальше.

Сомов взял ведро. Оно было тяжёлым, деревянным, с железными обручами, и вода в нём пахла морем — солёная, свежая, настоящая. Он намочил тряпку, присел на корточки и начал драить палубу, и палуба под тряпкой светлела, как будто просыпалась.

Это была простая работа. Но Сомов любил простую работу. Она давала время думать и не требовала ничего, кроме рук и внимания. Он драил доски и смотрел на них, и думал о

том, что эти доски ходили по морям, которые он видел только в книгах. Что под ними — трюм, полный груза и прохлады. Что над ним — мачты, паруса, небо. Что вокруг — команда, люди, каждый из которых знает своё дело, и все вместе они — корабль, который идёт туда, куда его ведут.

Он думал о команде. Матросы, которых он видел, были разными — молодые и старые, но все крепкие, с лицами, обожжёнными солнцем и ветром. Они работали молча, но не угрюмо: иногда кто-то бросал короткую шутку, кто-то отвечал, и по палубе прокатывался смех — короткий, как выдох. Они не смотрели на Сомова враждебно. Они просто ждали, что он покажет себя в деле. И Сомов знал: он покажет.

Он посмотрел на свои руки — обветренные, с коротко остриженными ногтями, с маленьким шрамом на большом пальце, которого раньше не было. Руки были его. И они делали то, что нужно было делать.

Сомов улыбнулся и продолжил драить палубу.

Порт за бортом жил своей жизнью, не думая затихать. Грузчики таскали бочки и ящики, перекрикиваясь с телег, что стояли на причале; торговцы у навесов пересчитывали монеты и ощупывали товар, подозрительно косясь на соседей; рыбаки у дальних мостков чинили сети и вполголоса

бранились из-за улова. Чайки носились над водой, выхватывая на лету брошенную требуху, и их крики смешивались со скрипом канатов и плеском весел. У сходен толпился народ — кто-то ждал погрузки, кто-то просто глазел, — и по всему этому гомону чувствовалось: порт не прощается с кораблём, порт его провожает. А сам корабль готовился к тому, чтобы отчалить: матросы проверяли узлы, боцман зычно покрикивал, подгоняя нерасторопных, и над палубой висело то сосредоточенное, чуть нервное ожидание, какое бывает перед каждым отходом. Море шумело за бортом. Чайки кричали над мачтами. И Сомов, стоя с ведром в руках, чувствовал, как в этом общем движении просыпается и его собственное — новое, ещё непривычное, но уже его.

Глава 5

Глава 5. Отбытие

К вечеру палуба «Морской ведьмы» стала другой.

Днём она была просторной и почти пустой — только матросы у снастей да боцман с боцманской дудкой. К вечеру она наполнилась людьми, и Сомов, стоя у борта с ведром в руке, смотрел, как команда собирается на шканцах. Матросы шли по одному, по двое, выныривали из люка, спускались с бака, и каждый находил своё место — не по приказу, а по привычке, как находят своё место в собственной комнате. Они знали, куда встать. Знали, где стоять молча, а где можно перекинуться словом.

Но не все.

— Кто ещё не вернулся? — спросил Морган, и голос его, негромкий, разнёсся по палубе так, что стало тихо.

Боцман сверился с книгой в руке — потрёпанной, с загнутыми уголками.

— Четверо, капитан. Пайк, Рябой, Тэтчер и мальчиш-

ка-новенький, Джим.

— Из таверны?

— Из таверны, капитан.

Морган помолчал. Сомов видел, как он стоит на шканцах — прямой, спокойный, руки за спиной, — и в этой позе не было ни раздражения, ни злости. Только та тихая, глубокая сосредоточенность, которая была у него во всём.

— Сколько времени до отлива? — спросил он.

— Час, капитан. Может, меньше.

— Значит, ждём.

Сомов перевёл взгляд на матросов. Никто не роптал. Никто не переглядывался недовольно. Команда стояла и ждала, как будто это было частью службы — ждать тех, кто ушёл в таверну и задержался. Сомов подумал о том, что в армии за такое опоздание был бы наряд вне очереди, а то и гауптвахта. Здесь было иначе. Здесь ждали.

Он поставил ведро к борту и вытер руки о штаны. Вода на палубе уже подсохла, доски блестели.

— Сомов.

Он обернулся. Морган смотрел на него со шканцев.

— Подойди.

Сомов поднялся на шканцы — три ступени, невысоко, — и встал в двух шагах от капитана. Отсюда палуба была видна вся: матросы, снасти, пушки, порт за бортом, вода, темнеющая к вечеру.

— Знакомься, — сказал Морган. — Это мои офицеры.

Первый стоял справа от него. Сомов сразу понял, кто это, ещё до того, как Морган открыл рот. Одноглазый верзила под два метра ростом, с плечами, которые не помещались в дверной проём, и руками, которые, казалось, могли переломить пополам весло. Второй глаз закрывала кожаная повязка, и на лице, обветренном и грубом, было выражение человека, который давно перестал удивляться чему бы то ни было. Он стоял неподвижно, скрестив руки на груди, и смотрел на Сомова сверху вниз — внимательно, но без враждебности.

— Боцман Ганс Хольт, — сказал Морган. — Мой первый

помощник. Если меня нет — слушаешь его, как меня. Если он говорит — делаешь. Без вопросов.

— Понял, — сказал Сомов.

Ганс смотрел на него ещё секунду, потом кивнул — коротко, как топором рубанул. Голоса он не подал.

Второй офицер стоял чуть дальше, у мачты. Метис — смуглый, с тёмными волосами, забранными в хвост, и лицом, в котором смешались две крови, делавшие его черты резкими и красивыми одновременно. Ростом он был чуть ниже Ганса, но держался так же прямо, и в его осанке была та уверенность, которая приходит к человеку, знающему своё дело до последней мелочи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.